

УДК 94(430)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-25-46

Роль понятия «нация»
в осмыслении исторического
и социально-политического опыта
современной Германии

Александр Н. Юрин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yurinalexander@mail.ru*

Аннотация. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть то, какую роль выполняет понятие «нация» в осмыслении исторического и социально-политического опыта современной Германии. Опираясь на методологию такой исследовательской программы, как историческая семантика и история понятий, удастся рассмотреть то, каким образом базовое для социально-политического опыта понятие «нация», эксплицитно или имплицитно, является условием для существования магистральных социально-политических дискуссий. Для изучения того, каким образом это понятие ресемантизируется в социально-гуманитарном знании, понятие «нация» помещается в контекст четырех важных для социально-политического и исторического опыта современной Германии тем: объединение Германии; глобализация; Европейский союз; иммиграция. Такая перспектива позволяет обнаружить не только новые смыслы, которые приобретает понятие «нация», но и его важную связующую роль. Благодаря понятию «нация» удастся обнаружить целый ряд теоретических связей между выбранными и, на первый взгляд, никак не связанными темами.

Ключевые слова: нация, объединение Германии, глобализация, Европейский союз, иммиграция

Для цитирования: Юрин А.Н. Роль понятия «нация» в осмыслении исторического и социально-политического опыта современной Германии // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 8 (41). С. 25–46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-25-46

The role of the concept “nation” in consideration of modern Germany’s historical and sociopolitical experience

Alexander N. Yurin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yurinalexander@mail.ru*

Abstract. This article aims to highlight the role of the concept “nation” in consideration of modern Germany’s historical and sociopolitical experience. Through the methodology of such research program as Historical semantics and such research program as Conceptual history one can manage to observe how the concept “nation” appears as an implicit or explicit precondition for the major socio-political discussions. In order to study the concept resemantisation in social and political sciences, it is put in context of four major for the modern Germany’s socio-political and historical experience topics: German reunification; globalization; European Union; immigration.

Such a prospective not only makes it possible to discover new meanings acquired by the concept “nation”, but also its crucial binding role. Having the concept nation in focus, one can discover a number of theoretical interconnections of these four seemingly unconnected topics.

Keywords: nation, the German reunification, globalization, European Union, immigration

For citation: Yurin AN. The role of the concept “nation” in consideration of modern Germany’s historical and sociopolitical experience. *RSUH/ RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;8:25-46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-25-46

Введение

Исторический и социально-политический опыт Германии всегда приковывал внимание исследователей со всего мира и играл ключевую роль в понимании целого ряда процессов, происходящих не только на европейском континенте, но и в мире. Осмысление опыта Второй мировой войны и драматических последствий национал-социализма, в котором понятие «немецкая

нация» играло ключевую роль, надолго закрепило за ним дурную славу и негативные коннотации. Тем не менее понятие «нация», которое Райнхарт Козеллек выделил в качестве «базового» для понимания социально-политического опыта Германии, продолжает быть активным и сегодня.

Исторический и социально-политический опыт ФРГ после ее объединения (1990) не столь трагичен, но все так же важен для понимания динамики изменений, происходящих в Германии, Европе и в мире в целом. Так, с одной стороны, падение Берлинской стены означало для Германии воссоединение живших на протяжении более чем сорока лет в разных государствах немцев, с другой стороны, оно стало символом окончания Холодной войны и началом тех изменений в мире, которые стали обозначаться термином «глобализация». А сразу же после этого Германия становится членом и ведущим игроком в Европейском союзе, – супранациональной организации, изменившей облик современной Европы. Кроме того, Германия оказывается страной с самым высоким уровнем иммиграции в Европе, последствия которой оказываются одним из самых сильных вызовов ее социально-политическому устройству сегодня.

На первый взгляд, «Объединение Германии», «Глобализация», «Европейский союз» и «Иммиграция» – темы чрезвычайно важные для критического осмысления социально-политического опыта Германии, но никак не связанные между собой и уж тем более с осмыслением понятия «нация». Но при первом же погружении в изучение того, каким образом эти темы обсуждаются исследователями, работающими в поле социально-гуманитарного знания, становится понятным, что понятие «нация» имплицитно, а иногда и эксплицитно, является *conditio sine qua non* существования этих дискуссий, само при этом приобретая новые значения и встраиваясь в новые смысловые цепочки.

Эта статья ставит перед собой цель проследить то, какую роль играет понятие «нация» в обсуждении этих важных для исторического и социально-политического опыта Германии тем. Помещая понятие «нация» в фокус исследования, будет проверена гипотеза о том, что оно является узловой точкой (*nodal point*), которая связывает эти, на первый взгляд, абсолютно разноплановые темы. Кроме того, контекстуализируя это понятие, мы попробуем пронаблюдать то, каким образом оно ресемантизируется, будучи включенным в разные социально-политические и социокультурные концепции.

Методологическая рамка

Но прежде чем осуществить все эти задачи, нужно определить то, с чем мы имеем дело, когда говорим о понятии «нация» с исследовательских позиций. В этой связи важно различать то, что Роджерс Брубейкер называет «категориями практики» и «категориями анализа». По Брубейкеру, понятия, используемые в социальных интерпретативных науках и истории, такие как «раса», «нация», «гражданство», «класс» и т. д., являются одновременно категориями практики и категориями анализа. Под «категориями практики» он понимает категории повседневного социального опыта, развиваемые и употребляемые «обычными социальными акторами» или же политическими деятелями, в то время как социальные аналитики используют «научные категории», «удаленные от опыта», – «категории анализа» [1 с. 69].

В этой работе мы будем говорить о нации преимущественно как о категории анализа, то есть о том, каким образом это понятие понимается, переосмысливается и употребляется исследователями социальных и гуманитарных наук.

Делая понятия объектом исследования, нужно понимать не только ту важную роль, которую они играют в конструировании социальной реальности, но и то, в чем состоит их отличие от слов. О роли понятий в конструировании социальной реальности написано довольно много и с различных точек зрения: с одной стороны, это являлось основной темой и важной отправной точкой в такой исследовательской программе, как «историческая семантика», а с другой – развивалась в рамках социологических теорий.

Так, например, основатель и виднейший представитель немецкой школы исторической семантики, которая известна как «История понятий» (Begriffsgeschichte), Райнхарт Козеллек, настаивал на особой роли понятий не только как «индикаторов», но и «факторов» социально-политических «мы-групп» [2 S. 108]. Похожее наблюдение было высказано социологом Пьером Бурдьё:

Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы, борьбы столь же теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира [3 с. 23].

Таким образом, в социальных и гуманитарных науках возникает понимание важной роли понятий, состоящей в одновременном

описании и конструировании социальной реальности. Помимо этой важной функции, понятия обладают еще одной важной особенностью, той, которая отличает их от слов: «С некоторым преувеличением это можно сформулировать так: “значения слова могут точно определяться дефинициями, а понятия могут только интерпретироваться”» [4 с. 37–38].

Именно эта «неопределенность» или же многозначность понятия и та постоянная борьба за его определение, о которой писал Бурдьё, и делают понятия чрезвычайно важным и интересным объектом исследования. Понятия оказываются, с одной стороны, «ставками в политической борьбе», а с другой стороны, средоточием исторического опыта, теоретических и практических связей [4 с. 37]. Иными словами, неопределенность и многозначность понятия перестают быть проблемой для исследователей исторической семантики, и, наоборот, становятся объектом наблюдения, помогая понять, кто и как борется за его определение, то, каким образом понятия становятся предметом конкуренции различных дискурсов.

Важным для данного исследования наблюдением является то, что понятия концентрируют в себе не только исторический опыт, но и определяют «горизонт ожидания», то есть не только те смыслы, которые в него вкладывались в прошлом, но и то, каким образом оно открывается в настоящем и будущем.

Здесь, однако, возникает практический вопрос, который задает Ханс Эрих Бёдекер: «Как, вообще, можно обсуждать соревновательный (*kompetitative*) или стратегический характер определений и изменения понятий?!» [5 с. 46]. Отвечая на этот вопрос, он призывает к «конкретизации» и «контекстуализации» понятий, для чего дискурсивные стратегии должны быть привязаны к общественным контекстам. Будучи конкретизированным и помещенным в контекст, понятие становится интерпретируемым, обретая зависящие от этого контекста смыслы.

Иными словами, исследование понятия «нация» в качестве *аналитического* невозможно в вакууме, его непременно нужно рассматривать в соотношении с теми научными концепциями, в которых оно выступает в качестве активного. Понятие требует контекста, в котором обнаруживается его функция и в котором оно обретает свои смыслы. Именно это мы попытаемся осуществить, помещая понятие «нация» в контекст обсуждения четырех выбранных нами тем: объединение Германии; глобализация; Европейский союз; иммиграция.

Отбор источников

Фокус этого исследования предполагает ряд ограничений, которые позволяют произвести селекцию источников. Во-первых, речь пойдет о социально-политическом опыте Германии, что задает первоначальный критерий отбора по релевантности. Во-вторых, мы сосредоточимся на осмыслении *современного* социально-политического опыта *Германии*, что сужает спектр работ в хронологическом регистре: основными источниками станут работы, изданные после объединения Германии 1990 г. В-третьих, понятие «нация» будет рассмотрено в качестве аналитического, а это значит, что в статье будут использованы только работы ученых, исследователей социальных и гуманитарных наук.

Далее отбор источников будет производиться в соответствии с четырьмя выбранными социально-политическими темами. Выбранные темы являются достаточно широкими, а некоторые из них не являются специфическими или же характерными только для Германии. Кроме того, ряд ключевых работ для этого исследования выполнен не только исследователями из Германии и не только на немецком языке.

Поэтому основным критерием отбора здесь будет релевантность тем целям и задачам, которые ставит перед собой эта работа. Мы сфокусируемся на тех работах, в которых понятие «нация» оказывается активным, что поможет нам исследовать его роль в осмыслении этих важных для социально-политического опыта Германии тем.

«Немецкая модель» национального строительства

Обсуждение современной Германии в отрыве от ее опыта национального строительства, уходящего корнями в историю, практически невозможно. В исследованиях национализма (*Nationalism studies*) принято выделять «немецкую модель» национального строительства, которую уже традиционно противопоставляют «французской» [6 с. 23]. Основой «немецкой модели» является представление о том, что она базируется, прежде всего, на этнокультурных основаниях, а немецкая нация рассматривается в качестве культурной нации (*Kulturnation*).

Понятие «культурной нации», введенное в широкий оборот Фридрихом Майнеке в начале XX в., стало ключевым для понима-

ния целого ряда социальных и политических процессов не только в прошлом столетии, но и в начале XXI в. Говоря об изучении опыта национального строительства, Майнеке пишет:

...чрезвычайно продуктивной мыслью является разделение наций на культурные нации (*Kulturnationen*) и на политические нации (*Staatsnationen*), на те, которые, в первую очередь, основываются на некоем общем культурном наследии (*Kulturbesitz*), и те, которые основываются, прежде всего, на объединяющей силе общей политической истории и конституции [7 с. 2–3].

Таким образом, национальные государства Западной и Северной Европы складывались, в первую очередь, в рамках уже существовавших территориальных государств, в то время как образование государств в Италии и Германии шло по пути национального самосознания, складывающегося вокруг общего языка и культуры [8 с. 367]. Опыт Германии и Италии был заимствован странами Центральной и Восточной Европы, что определило не только их модель национального строительства, но и те значения, которыми наделяется понятие «нация», а также его производные. Так, для большинства стран Западной Европы и США понятия «нация» и «государство» могут выступать как взаимозаменяемые, а понятие «национальность» означает гражданство, т. е. принадлежность государству, в то время как для стран Центральной и Восточной Европы понятия «нация» и «национальность» предполагают преимущественно этнокультурную систему отсылок [1 с. 48].

Эта концептуальная разница, отражающая исторический опыт различных европейских стран, и Германии в частности, важна для понимания того, какие смыслы закреплены за этим понятием и как они влияют на те режимы социально-политического, которые с ним связаны. Такое, на первый взгляд, чисто теоретическое разделение не только легло в основу того, как понимается нация и национальность в Германии и Франции, но и повлияло на те способы, которыми эти страны решают миграционные проблемы, на то, как по-разному в этих странах устроен институт гражданства и многое другое. Эта взаимосвязь между концептуальной разницей в понимании того, что такое нация и национальность, и миграционной политикой в 90-е годы, была убедительно показана Р. Брубейкером [9] и стала отправной точкой в рассуждениях о немецкой концепции нации в современной Германии не только в контексте миграционной политики, но и в контексте европейской интеграции и глобализации.

Объединение Германии

Объединение 1990 г. является не только одним из самых значимых событий в современной истории Германии, но и своеобразной точкой отсчета для радикальных изменений как на европейском континенте, так и во всем мире. Вопрос объединения волновал едва ли не все слои общества, но осмысление этого процесса происходило по-разному. В общественных дискуссиях процесс объединения казался естественным и самим собой разумеющимся, а легитимация самого объединения происходила через апелляцию к немецкой нации, очень часто понимаемой в примордиалистском ключе. Так, одним из ярких лозунгов объединения Германии стало высказывание Вилли Брандта: «Es wächst zusammen, was zusammen gehört!»¹, которое характеризует представление о немецкой нации как о догосударственном образовании, наделенном непреходящими качествами и заранее заданным вектором развития. Описывая процесс объединения Германии, немецкий социолог Райнер Мария Лепсиус пишет о том, что «...восстановление немецкого национального государства не встретило никакого противодействия ни на национальном, ни на международном уровнях», более того, оно воспринималось как «само собой разумеющееся» (*selbstverständlich*) [10 S. 121].

Естественность самого процесса и то, что объединение воспринималось в массах «само собой разумеющимся» было продиктовано привычным для немцев этнокультурным самовосприятием, которое позволило сохранить чувство родства с теми, кто остался по другую сторону стены. Поэтому процесс объединения, понятый как «немецкое воссоединение» (*Deutsche Wiedervereinigung*), не нашел никакого сопротивления на национальном уровне, более того, он воспринимался как торжество национального (понятого в этноцентрическом ключе) над территориальными и политическими границами.

Однако такое понимание процесса объединения не нашло поддержки немецких ученых, для которых как сам процесс, так и *практическое* использование политиками и «обычными социальными акторами» понятия «нация», казались чрезвычайно проблематичными. Так, рассуждая о единстве Германии спустя десять лет после объединения, Ганс-Георг Велинг напишет:

На протяжении десятилетий господствовала – по крайней мере, в науке – ясность [в вопросе] о том, что «воссоединение» не может быть

¹ «Что было вместе, тому вместе расти!» – *нем.*

достигнуто одним лишь упразднением границ, а вместо объединения речь должна идти о реинтеграции: о сплавлении воедино двух различных политических, экономических и социальных единиц [11 S. 7–8].

Таким образом, для исследователей социальных и гуманитарных наук объединение Германии не закончилось, а только началось в 1990 г., и целью этого объединения являлось и является достижение «внутреннего единства» (*innere Einheit*).

Эйфория, наступившая после падения Берлинской стены, быстро сменилась разочарованием, связанным с завышенными ожиданиями от объединения, что привело к тому, что восточные немцы стали ощущать себя «гражданами второго класса» (*Bürger 2. Klasse*) [12 S. 229–251]. Сложность реинтеграции привела к тому, что стали называть *Ossi-Wessi-Syndrom* – синдром взаимного неприятия у западных и восточных немцев, что позволило ряду исследователей рассматривать их как представителей разных культур. Так, например, Вольфганг Вагнер [13] рассматривает процесс объединения как столкновение двух разных культур, описывая его в терминах *культурного шока*, а Мартин и Сильвия Грайффенхаген говорят о двух разных политических культурах в рамках одного государства [14]. Все это обнажило аналитическую несостоятельность понятия «немецкая нация», понимаемую в этнокультурном ключе.

Проблема «внутреннего единства» позволила ученым по-новому поставить вопрос о роли национальной идентичности, в котором, по мнению Беттины Вестле [15], происходит возрождение старых противоречий между «нормальностью и системно-функциональной необходимостью» или же «патологией и опасностью». Картографируя различные позиции исследователей, она пишет: «С “концом послевоенного времени” все громче становятся голоса, провозглашающие “блистательную победу принципов нации” (Maueg 1994) и исчезновение “негативного национализма” у немцев (Reese-Schäfer 1991; Zitelmann 1993), достигающие своего пика в требовании развития “защитного национализма” (Nolte 1991). Развитие традиционного национального чувства должно противодействовать внутренним конфликтам между западными и восточными немцами, сыграв роль ментального пандана желанному государственному единству, позволив немцам войти в ряд классических европейских наций (Bubner 1991; Behrmann 1993; Estel 1994; Schäuble 1994). Ввиду этноцентрического потенциала традиционного национального самосознания, а также насилия по отношению к иностранцам в объединенной Германии, нередки также и предостережения об опасности использования национального

чувства для достижения внутреннего единства (Habermas 1989; Glotz 1990; Greiffenhagen 1991)» [15 S. 61–62].

Отсюда становится понятным, что вопрос о «немецкой нации» в контексте объединения не получает своего ответа, но становится чрезвычайно острым, заставляя ученых либо адаптировать и легитимировать классическое для Германии понимание нации, либо искать альтернативные формы коллективной идентичности и социальной солидарности, будь то «постнациональное общество» Хабермаса [16] или же «конституционный патриотизм» Штернбергера [17]. Будучи помещенным в контекст осмысления немецкого социально-политического опыта конца XX в., понятие «нация» становится чрезвычайно проблематичным в целом ряде аспектов. С одной стороны, его этноцентрическая интерпретация стала основой нового объединенного государства, сыграв важную роль в активизации солидарности немцев, а с другой, оно стало выглядеть анахронизмом в контексте целого ряда глобальных сдвигов, запущенных этим самым объединением.

Глобализация

Падение Берлинской стены стало не только символом объединения Германии, но и символом окончания холодной войны, что поставило ФРГ перед лицом как внутренних вызовов, связанных с объединением, так и внешних, связанных с драматическими изменениями в мире. Мир после окончания холодной войны требовал новых инструментов для описания тех процессов и изменений, которые больше не могли быть описаны и «схвачены» понятиями «нация» и «национальное государство» в их привычном понимании [18 с. 303]. Глобализация стала мощной метафорой для описания мира, который к концу XX в. становится все более интегрированным и взаимосвязанным. Основное представление о мировом устройстве после объединения Германии строилось на образе глобального потока денег, людей, образов, ценностей и идей [19 р. 196]. А глобализация стала рассматриваться как основной вызов национальному государству.

Так, Ульрих Бек, один из самых цитируемых теоретиков глобализации, пишет об этом вызове следующим образом:

Национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т. д.).

Мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Это проявляется во всех важнейших сферах, на которых держится национально-государственный авторитет: в налоговой политике, в высших полномочиях полицейского аппарата, во внешней политике, в области военной безопасности [20 с. 14–15].

Такая перспектива позволила переосмыслить роль национального государства и нации как референта политической легитимности в современных государствах. Кроме того, осознание культурной неоднородности привело к пересмотру привычного для Германии понимания нации. Так, задавая вопрос о роли национальных государств в конце XX в., Юрген Хабермас констатирует:

Однако сегодня мы все живем в плюралистических обществах, которые все более отходят от формата национального государства, основанного на большей или меньшей культурной однородности населения. Разнообразие культурных форм жизни, этнических групп, мировоззрений и религий если не уже колоссально, то, по крайней мере, стремительно возрастает. Кроме политики этнических чисток, этому пути к мультикультурным обществам альтернативы нет. Теперь мы даже не имеем возможности перевести ответственность за социальную интеграцию с уровня формирования политической воли и общественной коммуникации на уровень предположительно однородной нации, как это было в Европе XIX и начала XX в. [8 с. 374].

Поиск альтернативных социокультурных и управленческих форм, которые бы соответствовали новой констелляции, созданной глобализационными процессами, привел к разработке понятия «постнационального», которое стало благодаря Юргену Хабермасу не просто метафорой, а понятием с мощным эвристическим потенциалом, и легло в основу целого ряда исследований в социальных и гуманитарных науках. Примечательно, что «постнациональное общество», возникающее, с одной стороны, как ответ на вызовы глобализации, по Хабермасу, укоренено в специфическом послевоенном историческом развитии европейских государств и особенно ярко видно на примере ФРГ:

...многим европейским странам – и не только двум Германиям – было отказано в собственной внешней политике. Отныне их внутренние конфликты перестали прятаться за приоритетом внешних сношений. При таких условиях стало возможным отделить универсалистское понимание конституционного государства от его традиционного выражения в силовой политике, мотивируемой национальными интересами. Несмотря на угрожающий образ коммунистического врага, происходил постепенный отказ от концептуальной привязки гражданских прав и свобод к амбициям национального самоутверждения. Национальная свобода уже не составляла главной проблемы – даже в Западной Германии. Эта тенденция к так называемому постнациональному самосознанию конституционного государства, вероятно, несколько более сильно, чем в других странах, была выражена в бывшей Федеративной Республике Германии – учитывая ее особое положение и тот факт, что она, в общем-то, даже формально была лишена своего внешнего суверенитета [8 с. 75–76].

Однако для Хабермаса «постнациональное сообщество» не было тем, что сменило или же готово прийти на смену национальному государству как форме управления, а лишь концептуализацией тех тенденций, которые возникали в процессе глобализации. Но эти тенденции позволили задать ряд вопросов о возможности демократии, новых формах идентичности и солидарности вне национального государства.

Здесь нужно отметить, что возникший дискурс о глобализации и «постнациональном» спровоцировал целую волну исследований в поле *Nationalism Studies*, в рамках которого стали задаваться вопросы о ситуации «после» или «по ту сторону» национализма и о роли национального государства сегодня. Так, например, Филип Спенсер и Говард Вуллман пишут отдельную главу под названием «Beyond Nationalism?» [21], раздел с таким же названием появляется в известном оксфордском ридере «Национализм» под редакцией Энтони Смита и Джона Хатчинсона [22], а Крейг Калхун, убедительно критикуя излишний энтузиазм немецких теоретиков (Юргена Хабермаса, Ульриха Бека и Мартина Кёллера) и говоря о преувеличении роли глобализации, задает риторический вопрос: «Is it time to be post-national?» [23]. По большей части исследователи национализма скептически отреагировали на ближайшее постнациональное будущее. Но важно, что эти дискуссии создали то, что Энтони Смит назвал «постнациональной повесткой дня» в исследованиях нации и национализма, которая по большей части состояла из обсуждения вопросов о миграции,

мультикультурализме и распаде национальной идентичности; политические дебаты о гражданстве, вопросы об этническом и гражданском национализме и их связь с либеральной демократией; влияние тенденций глобализации и «постмодернистских» национальных проектов на национальный суверенитет и национальную идентичность и т. д. [24 с. 366].

Ответы на эти вопросы даются разные, но общим местом стало понимание того, что классические «модернистские» концепции нации больше не работают в условиях глобализации. Это понимание двигает исследователей к переосмыслению того, чем является национальное государство сегодня и чем оно будет завтра. И если «космополитическая мечта» и разговоры о «постнациональном» оказались несколько преждевременными, то едва ли кто-то станет отрицать наличие новых вызовов для нации и национального государства. Важным в осмыслении этих процессов оказалось то, что исследователями была произведена попытка отделения конституционных, демократических и республиканских форм от «национального», что дало возможность говорить о новых постнациональных формах управления и новых формах социальной солидарности.

Европейский союз

Сразу же вслед за объединением Германии происходит кардинальное изменение на европейском континенте, связанное с Маастрихтским договором (1992), который стал важной вехой в развитии Европейского союза как супранациональной политической организации. Важным становится то, что Европейская интеграция и объединение Германии оказываются чрезвычайно связанными, являясь условиями друг друга. «Европейское единство является ядром государственного интереса Федеративной Республики Германия. После мирного достижения единства Германии ведущей целью немецкого народа остается “служить миру во всем Мире в качестве равноправного члена объединенной Европы”. Это основное положение преамбулы конституции определяет немецкую политику с 1949 г. и послужило условием для достижения единства 3 октября 1990 г.», – пишет Рудольф Штрамайер [25 S. 7]. С другой же стороны, сам Европейский союз, как организация, стал возможным благодаря объединению Германии и возможности франко-германского союза, что позволило говорить о том, что Берлинская стена разделяла не только Германию, но и Европу.

Но прежде всего Евросоюз рассматривался исследователями в качестве политического ответа на вызовы глобализации, с которыми национальное государство уже не способно было справиться. «На выход из описанного мной тупика указывает появление наднациональных режимов внутри формата Европейского союза. Мы должны попытаться спасти республиканское наследие, выйдя за пределы национального государства. Нам следует привести свои способности к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей», – пишет Юрген Хабермас [8 с. 379]. Однако для этого требовалось создание новой – «европейской идентичности», которая помогла бы компенсировать утрату всех тех социальных, политических и культурных функций, которые выполняла национальная идентичность. Крупный немецкий социолог Рихард Мюнх пишет об этом как о первоочередной задаче для ЕС:

Процесс европейской интеграции ускоряется с каждым днем, как с точки зрения расширения единого рынка, так и с точки зрения передачи [права] принятия политических решений на уровень Европейского союза. Этот процесс сегодня нуждается во включении граждан в единое пространство и в изменении их идентичности на более европейскую. Это означает, что люди должны быть готовы воспринимать себя не только как немцев, французов, бельгийцев и так далее, но также и как европейцев [26 p. 136].

Сегодня процесс создания европейской идентичности можно с легкостью обнаружить «...через централизованное использование средств культурной коммуникации, плановые студенческие обмены и трудовую мобильность, изобретение и распространение панъевропейских мифов, воспоминаний и символов, а также отбор, новое истолкование и популяризацию панъевропейской истории» [24 с. 394].

Здесь, однако, стоит сказать, что вопрос о европейской идентичности стал, по выражению Филлипа Шлезингера, «культурным полем боя для резко расходящихся взглядов», а создание такого типа идентичности требует длительного времени и неизбежно столкнется с еще достаточно сильным, а кое-где и укрепляющимся, национальным самосознанием:

Трудно представить разработку коллективной [т. е. европейской. – А. Ю.] идентичности... Создание всеобъемлющей коллективной идентичности всерьез можно воспринимать только тогда, когда оно является результатом длительной социальной и политической практики (Schlesinger 1992: 17–17) [24 с. 394].

Споры интеллектуалов о будущем ЕС, так или иначе, возвращают на повестку дня вопрос о роли нации и национальной идентичности, но уже в новом контексте многоуровневого управления (multilevel governance) и наднациональной, европейской идентичности. И если вопрос о последнем остается открытым, то вряд ли сегодня кто-то будет отрицать существенное влияние европейских институтов управления практически на все сферы жизнедеятельности государств-членов ЕС, что неизбежно воздействует на чувство национального не только в свете глобального, но и наднационального.

Сегодня Германия является крупнейшей экономикой в Европейском союзе, в значительной мере определяя его внешнюю и внутреннюю политику. И если в начале 90-х годов «европеизация» Германии была тем, что обеспечило внешнее одобрение ее объединению, то в начале XXI в. всерьез возникла обеспокоенность чрезмерным влиянием ФРГ на страны ЕС. Кризис евро и усиление роли Германии позволили немецким интеллектуалам констатировать «германизацию» Европы. Так, в 2012 г. Ульрих Бек издает свое знаменитое эссе «Немецкая Европа» [27], в котором говорит о том, что кризис евро привел к тому, что Германия стала «решать судьбу» других государств – членов ЕС. А Юрген Хабермас говорит о «повторном открытии немецкого национального государства» (*The rediscovery of the German nation state*) [28 р. 132], которое вместо движения к европейскому самосознанию и замещению национального, все больше развивает самосознание державы среднего размера ('medium-sized power'), что ведет к возникновению «Европейской Германии в немецкой Европе» [28 р. 132]. Такая перспектива позволила по-новому задать вопрос о *национальном и немецком*, но уже в поле общей европейской политики.

Иммиграция

Еще одной важной темой является тема иммиграции в Германию, которая чрезвычайно интересным образом аккумулирует дискурсы, развивающиеся в осмыслении всех предыдущих тем. Но, как и прежде, ключевым понятием, часто имплицитно, здесь оказывается понятие «нация». Одним из первых, кто обратил внимание на взаимосвязь привычного для Германии понимания нации как *Kulturnation* и особенностей ее иммиграционного законодательства, был Роджерс Брубейкер. В своей книге «Гражданство и национальность во Франции и Германии» он дал сравнительный

анализ различных концепций нации, характерных для Франции и Германии, а также различных способов решения проблемы мигрантов. Миграционная политика Германии, по Брубейкеру, была основана на этнокультурном понимании нации и выстроенном, в соответствии с этим, институтом гражданства.

В то время как немецкие иммигранты автоматически признаются гражданами, или, что на практике означает одно и то же, – немцами, иммигранты не-немецкого происхождения (даже второе и третье поколение иммигрантов), могут стать гражданами только через натурализацию. Как мы видели, только небольшому количеству удалось осуществить это. В силу того, что ненемецкая иммиграция стала все более оседлой, ее низкий уровень натурализации становился все более проблематичным, а их статус в отношении гражданства – аномальным, особенно в сравнении с автоматически присваиваемым статусом гражданина для этнических немцев из Восточной Европы (и применением *jure sanguinis* в течение всего послевоенного периода в отношении восточных немцев) [9 p. 172–173].

Эта работа Брубейкера спровоцировала исследователей на целый ряд работ, критикующих или же уточняющих такой взгляд. Здесь, однако, стоит отметить, что Брубейкер описывал ситуацию начала 90-х годов XX в. Эти наблюдения потеряли свою актуальность в 2000 г., когда законодательство о гражданстве в Германии было изменено. Кроме того, они не учитывают опыта членства в ЕС, которое также внесло свои коррективы. Принимая положение Брубейкера о том, что нация в Германии понимается в этнокультурном ключе, Рихард Мюнх констатирует изменения, связанные с усилением гетерогенности населения, включением Германии в ЕС и ряд других, которые, по его мнению, определяют движение в сторону «легалистской модели» нации [26 p. 127–130]. Включение в ЕС скорректировало миграционную политику, что позволило таким авторам, как Альба, Шмидт и Васмер [29] уточнить позицию Брубейкера на 2003 год, говоря о том, что около четверти всех иммигрантов в Германии являются гражданами ЕС, что дает им практически те же права, что и немцам, за исключением голоса.

Важным для нашего исследования ракурсом является то, что проблемы мигрантов стали рассматриваться исследователями в контексте «постнационального», той исследовательской перспективы, которая возникла в процессе осмысления глобализации. Так, Ясмин Соисал пишет о том, что в послевоенной Европе интеграция мигрантов происходит не в рамках института гражданства и при-

надлежности к национальному государству, а, скорее, в рамках дискурса о правах человека. Таким образом, интеграция иммигранта рассматривается не как интеграция *гражданина*, а как интеграция *личности*. Таковую модель интеграции, основанную на правах человека, она называет «постнациональной» [30 р. 3].

Ограниченность такой модели описывает Кристиан Йопке, указывая на отдельные случаи выдворения из Германии. Он говорит о том, что привилегия выдворения осталась за гражданами и институтом гражданства, и не было никакого «постнационального», куда могли бы попасть изгнанные, и не было никаких постнациональных институтов, пришедших им на помощь [31 р. 16]. Сравнивая две полярные перспективы, «этноцентрическую» Брубейкера и «постнациональную» Сойсал, Йопке говорит о том, что оба эти взгляда не соответствуют реальному положению дел, аргументируя это следующим образом:

Однако современная переоценка гражданства в Европе подтверждает, что обе эти крайние позиции оказываются ошибочными. Вместо повторного утверждения традиций национального гражданства или же, напротив, девальвации гражданства как такового, поствоенный иммиграционный опыт (среди других факторов) дал начало тренду в направлении де-этнизации гражданства. Это означает, что гражданство в Европе становится похожим на гражданство в Америке, которое основывается на рождении на определенной территории и, скорее, определяется политическими ценностями, нежели этничностью [31 р. 17–18].

Интересным образом в работах исследователей иммиграции в Германии прослеживается взаимосвязь между проблемами объединения страны и отношением к иммигрантам в разных ее частях. Так, ряд авторов, описывая отношение к иммигрантам в современной ФРГ, апеллируют к различному отношению к иммигрантам в восточной и западной частях страны, связывая это с интеграционными процессами воссоединения [29], имплицитно понимая восточных и западных немцев как два разных социокультурных сообщества. Из всего этого становится ясно, что в обсуждении проблемы мигрантов имплицитно и эксплицитно присутствуют элементы всех вышеописанных тем, которые выстраиваются в сложные, и порой неожиданные взаимоотношения.

Заключение

Все четыре темы, которые являются магистральными в понимании исторического и социально-политического опыта современной Германии, оказываются взаимосвязанными. Эта сложная система теоретических связей, на первый взгляд, не связанных между собой тем, позволила себя обнаружить в точке их пересечения, которой является понятие «нация». Понятие «нация», имплицитно и в разных формах присутствующее в теоретизации каждой из тем, не только являлось условием такой теоретизации *per se*, но и выполняло важную функцию трансфера теоретических конструкций. Наиболее ярко этот трансфер виден на примере переноса «пост-национального» (впервые осмысленного в контексте глобализации), которое воспринималось как «внешнее» для национального государства в, казалось бы, «внутренние» процессы гражданства и интеграции иммигрантов. Это понятие оказалось неразрывно сцепленным с другими важными для описания социально-политического опыта концептами, напрямую влияя на их интерпретацию. Так, мы могли наблюдать то, каким образом та или иная концепция нации влияла на формирование института гражданства, и наоборот. Или же то, как понятие «нация», связанное с понятием «культура», приводит к новому пересмотру и усложнению последнего в контексте сложностей интеграции западных и восточных немцев. Важно понимать, что теоретизация всех четырех тем происходила параллельно и, самое главное, синхронно, что позволяет увидеть их как органические части одного целого, переплетенного тонкими и меняющимися теоретическими связями.

Говоря об осмыслении каждой из тем, следует отметить, что понятие «нация» обнаруживается в абсолютно разноплановых исследованиях, чьи авторы зачастую придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Несмотря на некоторую оформленность или даже статичность нашей исследовательской конструкции, осмысление социально-политического и исторического опыта Германии должно пониматься как непрерывный и динамичный процесс, а понятие «нация» – как *essentially contested concept* [32 р. 157–191] – понятие, чье содержание является предметом постоянной борьбы и постоянного теоретического переосмысления. Благодаря использованию понятия «нация» в качестве базового для социально-политического опыта, удается построить широкую и яркую перспективу тех проблем, с которыми сталкивается современная Германия, а также тот интеллектуальный горизонт, в котором возникают возможные ответы и решения.

Литература

1. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издат. дом. Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1979. 389 S.
3. *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 1 / Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле [ред.]; пер. с нем. К. Левинсон; сост., науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 736 с.
5. История понятий, история дискурса, история менталитета: пер. с нем. / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
6. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2010. 288 с.
7. *Meinecke Fr.* Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. Zweite durchgesehene Auflage. München; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 537 s.
8. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Андерсон Б., Бауэр О., М. Хрох и др. Нации и национализм / Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 364–381.
9. *Brubaker R.* Citizenship and nationhood in France and Germany. Harvard Univ. Press, 1992. 288 p.
10. *Lepsius M.-R.* Institutionalisierung politischen Handelns. Analysen zur DDR, Wiedervereinigung und Europäischen Union. 2. Auflage. Wiesbaden: Springer VS (Verlag) 2013. 272 s.
11. Deutschland Ost – Deutschland West: Eine Bilanz / H.-G. Wehling (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 2002. 238 s.
12. *Brunner W., Walz D.* Selbstidentifikation der Ostdeutschen 1990–1997. Warum sich die Ostdeutschen zwar als ‚Bürger 2. Klasse‘ fühlen, wir aber nicht auf die ‚innere Mauer‘ treffen // Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland. Erklärungsansätze der Umfrageforschung / H. Meulemann (Hrsg.) Opladen: Leske + Budrich, 1998. S. 364–381.
13. *Wagner W.* Kulturschock Deutschland: Der zweite Blick. Hamburg: Rotbuch Verlag 1999. 160 s.
14. *Greiffenhagen M., Greiffenhagen S.* Zwei politische Kulturen? // Deutschland Ost – Deutschland West: eine Bilanz / H.-G. Wehling (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 2002. S. 11–35.
15. *Westle B.* Einstellungen zur Nation und zu den Mitbürgern // Politische Orientierungen und Verhaltensweisen im vereinigten Deutschland / O.W. Gabriel (Hrsg.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1997. S. 61–81.

16. *Habermas J.* Постнациональная констелляция и будущее демократии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 105–152.
17. *Sternberger D.* Verfassungspatriotismus. Frankfurt a/M: Insel Verlag, 1990. 389 S.
18. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 308 с.
19. *Hurrell A.* On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2007. 354 p.
20. *Бек У.* Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, Б. Седельника; общ. ред., послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
21. *Spencer Ph., Wollman H.* Nationalism: A Critical Introduction. London: SAGE Publ.; 2002. 238 p.
22. *Hutchinson J., Smith A.D.* Nationalism. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1994. 392 p.
23. *Calhoun Cr.* Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. London: Routledge 2007. 248 p.
24. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.В. Филиппова, Э.С. Загашвили, И. Окуновой. М.: Праксис, 2004. 464 с. (Серия «Новая наука политики»)
25. *Die Europäische Union. Ein Kompendium aus deutscher Sicht / R. Strohmeie (Hrsg.).* Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. 393 s.
26. *Münch R.* Nation and Citizenship in the Global Age. From National to Transnational Civil Ties. Houndsmills, Basingstoke, London: Palgrave (MacMillan), 2001. 247 p.
27. *Beck U.* Das Deutsche Europa. Berlin: Suhrkamp, 2012. 247 S.
28. *Habermas J.* The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge, Malden: Polity Press, 2012. 140 p.
29. *Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany / R. Alba, P. Schmidt, M. Wasmer (eds.).* New York: Palgrave Macmillan, 2003. 308 p.
30. *Soyza Y-N.* Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1994. 151 p.
31. *Joppke Ch.* Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 151 p.
32. *Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // Gallie W.B. Philosophy and the Historical Understanding. London: Chatto & Windus, 1964. P. 157–191.

References

1. Brubaker R. Ethnicity without groups. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2012. 408 p. (In Russ.)
2. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Frankfurt a/M: Suhrkamp Publ.; 1979. 389 s.

3. Bourdieu P. A sociology of social space. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 2007. 288 p. (In Russ.)
4. Zareckij Ju., Levinson K., Shirle I., ed., Arnautov Yu., comp. Dictionary of the Basic Concepts in History: selected articles. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. 736 p. (In Russ.)
5. Bödeker H-E., ed. History of concepts, history of discourse, history of mentality. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. 328 p. (In Russ.)
6. Malahov VS. Nationalism as political ideology: textbook. Moscow: KDU Publ.; 2010. 288 p. (In Russ.)
7. Meinecke F. Cosmopolitanism and the National State. Zweite durchgesehene Auflage. München; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg Publ.; 1911. 537 s.
8. Habermas J. The European Nation State. Its Achievements and Its Limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship. V: Anderson B., Bauer O., Khrokh M. etc. *Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis Publ.; 2002. p. 61-81. (In Russ.)
9. Brubaker R. Citizenship and nationhood in France and Germany. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 288 p.
10. Lepsius M-R. Institutionalization of political action. An analysis of GDR, German reunion and European Union. 2. Auflage. Wiesbaden: Springer VS Publ.; 2013. 272 S.
11. Wehling H.-G., Hrsg. Germany East – Germany West: A balance. Opladen: Leske + Budrich Publ.; 2002. 238 s.
12. Brunner W., Walz D. Self-identification of the East-Germans 1990–1997. Why the East-Germans feel like ‘the 2-nd class citizens’ and the ‘Inner-wall’ is not to be found. V: Meulemann H., Hrsg. *Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland. Erklärungsansätze der Umfrageforschung*. Opladen: Leske + Budrich Publ.; 1998. S. 229–51.
13. Wagner W. Kulturschock Deutschland: Der zweite Blick. Hamburg: Rotbuch Verlag Publ.; 1999. 160 s.
14. Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. Two political Cultures? Hamburg: Rotbuch Publ.; 1999. 160 p.
15. Westle B. Attitude towards Nation and the fellow-citizens. V: Wehling H.-G., Hrsg. *Deutschland Ost – Deutschland West: eine Bilanz*. Opladen: Leske + Budrich Publ.; 2002. S. 11-35.
16. Habermas J. The postnational constellation and the future of democracy. V: Gabriel OW., Hrsg. *Politische Orientierungen und Verhaltensweisen im vereinigten Deutschland*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH Publ.; 1997. 576 s.
17. Sternberger D. Constitutional patriotism. Frankfurt a/M: Insel Publ.; 1990. 389 s.
18. Hobsbawm EJ. Nations and Nationalism Since 1780. Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 1998. 308 p. (In Russ.)
19. Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 576 p.

20. Beck U. What is Globalization? Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2001. 304 p. (In Russ.)
21. Spencer Ph., Wollman H. Nationalism: A Critical Introduction. London: SAGE Publ.; 2002. 238 p.
22. Hutchinson J., Smith AD. Nationalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 1994. 392 p.
23. Calhoun Cr. Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. London: Routledge Publ.; 2007. 248 p.
24. Smith AD. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. Moscow: Praxis Publ.; 2004. 464. (Novaya nauka politiki) (In Russ.)
25. Strohmeier R., Hrsg. The European Union. A compendium from the German point of view. Sicht. Opladen: Westdeutscher Publ.; 1994. 393 p.
26. Münch R. Nation and Citizenship in the Global Age. From National to Transnational Civil Ties. Houndsmills, Basingstoke, London: Palgrave (MacMillan) Publ.; 2001. 247 p.
27. Beck U. The German Europe. Berlin: Suhrkamp Publ.; 2012. 247 p.
28. Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge, Malden: Polity Press, 2012. 140 p.
29. Alba R., Schmidt P., Wasmer M., eds. Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany. New York: Palgrave Macmillan Publ.; 2003. 308 p.
30. Soysal Y-N. Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe. Chicago: University of Chicago Press. 1994. 151 p.
31. *Joppke Ch.* Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1999. 151 p.
32. Gallie WB. Essentially Contested Concepts. V: Gallie WB. *Philosophy and the Historical Understanding*. London: Chatto & Windus Publ.; 1964. P. 157-91.

Информация об авторе

Александр Н. Юрин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; yurinalalexander@mail.ru

Information about the author

Alexander N. Yurin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; yurinalalexander@mail.ru